

УДК 359:947.08

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (на примере художественных произведений первой половины 1860-х годов)

ВОЛКОВА Екатерина Александровна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории,
Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается формирование исторических воззрений Ф.М. Достоевского на примере художественных произведений первой половины 1860-х гг. Для его работ характерно глубокое исследование социальных отношений российского общества XIX века, взаимодействия классов и социальных групп, вопросы социальной справедливости, свободы, богатства / бедности, положения русского народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Достоевский, социально-исторические воззрения, социальная история России, русский народ.

F.M. DOSTOYEVSKY'S HISTORICAL VIEWS (ON THE EXAMPLE OF HIS EARLY 1860's FICTION)

VOLKOVA E.A.,

Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of Philosophy, Sociology and History
Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

ABSTRACT. The article discusses the development of Fyodor Dostoyevsky's historical views on the example of his early 1860's fiction. Dostoyevsky's socio-historical views are marked by a deep insight into social relationships in the Russian society in the second half of the XIX century, i.e. relations between the classes and social groups, social justice, freedom, wealth and poverty, Russian people's life.

KEY WORDS: Dostoyevsky, social and historical views, the social history of Russia and Russian people.

В обширном историографическом наследии, посвященном творчеству великого русского писателя Ф.М. Достоевского, определенное место занимает научный анализ исторических воззрений мыслителя [1]. Однако отметим отсутствие обобщающих научных трудов по проблеме социально-исторических воззрений Достоевского. Имеющиеся публикации затрагивают частные аспекты проблемы. Так, статья Г.М. Фридендера посвящена проблематике народа и народности в творчестве Достоевского. Кандидатская диссертация У.С. Любятинской рассматривает отражение исторических воззрений Достоевского в «Дневнике писателя». В статье К.Г. Исупова рассматриваются проблемы исторического познания в художественном опыте писателя. Статья Б.Н. Тарасова раскрывает проблематику исторической памяти писателя с позиции анализа «тайны человека» в творчестве Достоевского.

Достоевский, не понимая точку зрения науки на сущность экономических законов капитализма, не раскрывая механизма капиталистической эксплуатации, как тонкий мыслитель, исследовавший природу человека, интуитивно чувствовал вопиющую несправедливость буржуазного общества, осуждал буржуазные общественные отношения. Писателю было свойственно нравственное чутье, поэтому он так точно раскрывает социально-экономическую природу социума, в котором действуют герои его произведений.

Обращаясь к судьбам народа, писатель, опираясь на собственные мироощущения, показал представителей самых разных социальных слоев российского общества, характер их социальной деятельности и

взаимоотношений. При этом в его романах, повестях и рассказах отсутствуют положительные герои, представляющие буржуазное сословие (кроме, возможно, Парфёна Рогожина из романа «Идиот»).

1840–1850-е гг. стали начальным периодом становления социально-исторических воззрений Достоевского. В это время оформились основные направления социально-исторических исследований мыслителя, его отношение к социальным проблемам современного ему российского общества. В сочинениях 1840-х гг. нашли отражение многие темы, которые были более глубоко и последовательно раскрыты в его более поздних произведениях. Своих литературных героев Достоевский часто ставил в безвыходное, безысходное положение, что было вызвано стихийными процессами, протекавшими в буржуазном обществе, которое разрушало личность, вело к утрате духовных и нравственных качеств. Эта социальная традиция стала главной линией последующего творчества писателя.

1860-е гг. открыли новый этап в социальном творчестве Достоевского. Каторга и ссылка прервали творческую деятельность Достоевского и в то же время послужили суровой и в каком-то отношении полезной школой познания российской действительности, самых ее низов, в том числе представителей преступного мира.

Краеугольным произведением, отделившим ранний этап исследования социальных аспектов общественной жизни, стал роман «Записки из Мертвого дома». «Эти "Записки из Мертвого дома", – писал Федор Михайлович в письме к М.М. Достоевскому 9 октября 1859 года из Твери, – приняли теперь в

голове моей план полный и определенный. <...> Личность моя исчезнет. Это записки неизвестного; но за интерес я ручаюсь. Интерес будет наикапитальный. Там будет и серьезное, и мрачное, и юмористическое, и народный говор с особенным каторжным оттенком... и изображение личностей, никогда не *слыханных* в литературе, и трогательное, и, наконец, главное, – мое имя» [2, т. 28, с. 348–349].

С особой силой в сочинениях Достоевского 1860-х гг. зазвучали мотивы свободы и справедливости, навеянные пребыванием на каторге. «А чего не отдашь за свободу? Какой миллионщик, если б ему сдавили горло петлей, не отдал бы всех своих миллионов за один глоток воздуха?» – задавал наущные для него вопросы Достоевский в «Записках из Мертвого дома» [2, т. 28, с. 66]. И далее: «...Вследствие мечтательности и долгой отвычки свобода казалась у нас в остроге как-то свободнее настоящей свободы. Арестанты преувеличивали понятие о действительной свободе... Какой-нибудь оборванный офицерский денщик считался у нас чуть не королем, чуть не идеалом свободного человека сравнительно с арестантами, оттого что он ходил небритый, без кандалов и без конвоя...» [2, т. 28, с. 230].

Крутой поворот в жизни Достоевского разделил его творчество на периоды – до и после каторги. Парадокс жизненной ситуации заключался в том, что молодой писатель не был в полном смысле слова преступником – преступником уголовным, в отличие от большинства участников Омской каторги. Достоевский был сослан на каторгу всего лишь за чтение письма Белинского к Гоголю на пятницах Петрашевского, то есть за личные убеждения, взгляды. Суд над петрашевцами стал свидетельством той злобейшей, мертвящей социальной атмосферы, которая царила в российском обществе в период правления Николая I [3].

Книга о Мертвом доме была задумана писателем еще на каторге. По возможности Достоевский в отдельной тетради записывал острожный фольклор, типичные образы будущих героев, запоминавшиеся сюжеты, рассказы и диалоги заключенных [4]. Выйдя из острога, Достоевский принялся наверстывать упущенное за четыре года заключения. Он погружился в чтение литературных, исторических, экономических произведений, книг по истории церкви, которые ему присылал регулярно брат Михаил. Писатель просил брата присылать больше книг, «главное: историков, экономистов, "Отечественные записки", отцов церкви и истории церкви» [2, т. 28, с. 173].

С особой силой в творчестве Достоевского 1860-х гг. зазвучала тема русского народа. Понятие «народ» весьма обширно, многогранно и, вероятно, не осмыслено до конца в социально-философской литературе. В российской истории, как и в истории других стран, народ играл ключевую роль, создавая материальное и духовное богатство. Особенно велико значение народа в переломные периоды истории, когда в полном смысле слова он выступает ее творцом, выдвигая из своей среды талантливых лидеров-руководителей. Народ может быть и созидателем, и в равной степени разрушителем в зависимости от конкретной социально-экономической и политической обстановки.

До каторги Достоевский знал городских жителей Петербурга – ремесленников, торговцев, купцов, чиновников, мещан. Знание это было поверхностным, неглубоким, эпизодическим. Народ в произве-

дениях писателя изображался преимущественно абстрактно. Примером может служить второстепенный образ дворника-татарина из повести «Хозяйка», с которым общался Ордын.

В изображении народа в 1860-е гг. Достоевский продолжил традицию Пушкина, в творчестве которого русский народ и его разнообразные социальные действия впервые в русской художественной литературе стали предметом глубокого и тщательного изучения [5, с. 34]. Сам писатель вспоминал позднее: «Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его. Но это мое маленькое самолюбие! Надеюсь, простительно» [2, т. 4, с. 172].

В отечественной историографии подчеркивается неразрывная связь творчества Достоевского с традициями Пушкина. Как отмечает исследователь Б.И. Бурсов, «в Достоевском, безусловно, больше Пушкина, чем в Толстом, хотя бы потому, что он несравненно шире Толстым ставил проблему России и Европы, весьма и весьма сближаясь с Пушкиным» [5, с. 9]. Если Толстой преимущественно учил русский народ, то Достоевский в большей степени учился у народа. «Высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда ее. <...> Стоит только снять наружную, наносную кору и посмотреть на самое лицо повнимательнее, поближе, без предрассудков – и иной увидит в народе такие вещи, о которых и не предугадывал. Немногому могут научить народ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу, напротив: сами они еще должны у него поучиться» [2, т. 4, с. 121–122]. Такой опыт вынес писатель из вынужденного общения с народом на каторге.

Рассказ о каторге («Мертвом доме») Достоевский вел от имени вымышленного лица – Александра Петровича Горянчикова, бывшего узника, прошедшего в остроге десять лет за убийство своей жены. В его повествование писатель вложил собственные впечатления, ощущения и переживания от пребывания в остроге. В сентябре 1860 г. в еженедельнике «Русский мир» были опубликованы введение и первая глава «Записок». В январе 1861 г. издание прекратилось на четвертой главе. Дальнейшая публикация повести продолжалась с первой главы в 1861–1862 гг. в журнале братьев Достоевских «Время».

В период пребывания на каторге Достоевский столкнулся с самыми различными типами преступников, представителями различных социальных слоев и народов России. В остроге находились убийцы, разбойники, насильники, фальшивомонетчики, грабители: «И какого народу тут не было! Я думаю, каждая губерния, каждая полоса России имела тут своих представителей. <...> Надо полагать, что не было такого преступления, которое бы не имело здесь своего представителя» [2, т. 4, с. 10].

Первые впечатления об острожной жизни переданы Ф.М. Достоевским в письме к брату М.М. Достоевскому от 22 февраля 1854 г., через несколько недель после освобождения. «С каторжным народом я познакомился еще в Тобольске и здесь в Омске расположился прожить с ними четыре года, – писал Фёдор Михайлович. – Это народ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и поэтому нас, дворян, встретили они враждебно и со злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если бы

им дали. <...> Жить нам было очень худо. Военная каторга тяжелее гражданской» [2, т. 4, с. 169]. В «Записках из Мертвого дома» перед читателем предстает целая галерея преступников, в конечном счете, представителей различных слоев народа. Их в повести сотни. На каторге раскрывалась подлинная природа человека, та страшная сущность, которая, возможно, была сокрыта в повседневной жизни на свободе. Здесь находился и закоренелый преступник Газин, потерявший человеческий облик, по словам Достоевского, – «ужасное существо. Он производил на всех страшное, мучительное впечатление. Мне всегда казалось, что ничего не могло быть свирепее, чудовищнее его» [2, т. 4, с. 40]. Здесь и трус, бездельник Дутов; доносчик, бывший дворянин А-в (писатель называл его «гадким существом», «чудовищем, нравственным Квасимодой»).

Кроме русских в Омском остроге содержались украинцы (в повести – хохлы. – Авт.), евреи, представители кавказских народов – два лезгина, один чеченец, дагестанские братья-татары (так у Достоевского. – Авт.), татарин Маметка, политические узники поляки, державшиеся обособленно от всех остальных заключенных. Писатель изучал не только социальные, но и этнические типы и давал им точные характеристики. «Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото. И не один, не два, а несколько. Иных нельзя не уважать, другие решительно прекрасны», – писал Достоевский брату [2, т. 4, с. 172]. К таким положительным типам в повести относились лезгин Нура, молодой дагестанец Алей (писатель называл его «добрый, милый Алей»), старик-старообрядец, Аким Акимыч и др.

В каторжной атмосфере многие узники острога сохранили в душе человеческие качества. Одним из наблюдений Достоевского стало дальнейшее углубленное исследование человека: «Человек есть существо, ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение» [2, т. 4, с. 10]. Опыт по изучению природы человека, приобретенный писателем на каторге, пригодился ему при написании последующих произведений.

Наблюдая за поведением людей на каторге, Достоевский делал полезные для своего творчества выводы, характеризовавшие душевную природу человека. «В русском характере столько положительности и трезвости взгляда, столько внутренней насмешки над первым собой...» [2, т. 4, с. 196]. Многие его выводы отражали природу русского человека, в обычной жизни спокойно, терпеливо принимавшего все невзгоды, а в крайней ситуации совершавшего тяжелое преступление и отправлявшегося на каторгу. Примером может служить повествование о простом крестьянине Луке, убитом майора, в главе «Решительные люди. Лучка».

Особое внимание Достоевский обращал на заключенных, совершивших свои преступления по социальным причинам, вызванным социальной несправедливостью. Писатель с позиции социальной истории исследовал бунтарский характер русского человека с его потребностью в достижении справедливости и исправлении несправедливой действительности.

Весьма точно Достоевский характеризовал отношение населения Сибири к заключенным. Вольные люди, даже дети, не боялись преступников-узников, сострадали им, часто оказывали посиль-

ную, в том числе материальную, помощь. Достоевский показал в повести бедную вдову Настасью Ивановну, которая из своего сострадания постоянно бескорыстно помогала заключенным. Это состояние типично для русского народа, всегда милосердно относившегося к несчастным.

Достоевский понимал, какая огромная пропасть лежит между дворянами, даже каторжными, и простым народом. Сами арестанты говорили герою повести Александру Петровичу о непреодолимом барьере между дворянами и народом. Начиная с «Записок из Мертвого дома», тема единения народа и дворянства чрезвычайно занимала Достоевского, стремившегося найти пути сближения дворян с народом. Впоследствии такой путь писатель увидел в распространении просвещения, знаний в народной среде.

В творчестве Достоевского история часто сопрягается с современностью. «Записки из Мертвого дома» открыли новую тему в русской литературе – тему каторги. Достоевский осудил острог как социальное явление российской действительности, уродующее человеческую душу. «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погубило здесь даром! Ведь надо уж всем сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват?» [2, т. 4, с. 231]. Одним из первых в российской социально-исторической тематике Достоевский, наряду с Герценом, выдвинул ставший впоследствии извечным многогранный вопрос: «Кто виноват?» и всем своим творчеством пытался на него ответить.

Завершаются «Записки из Мертвого дома» сценой освобождения, выхода главного героя из каторги. «Кандалы упали. Я поднял их... Мне хотелось подержать их в руке, взглянуть на них в последний раз. Точно я дивился теперь, что они сейчас же были на моих же ногах. – Ну, с Богом, с Богом! – говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но как будто чем-то довольными голосами. Да, с богом! Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... Экая славная минута» [2, т. 4, с. 232]. Герой повести пробыл в остроге десять лет (Достоевский находился в остроге четыре года), постоянно мечтая о свободе, предвкушая момент выхода на волю. Трудно сразу понять после стольких пережитых испытаний, перенесенных физических и нравственных мук, что такое свобода и ментально ощутить ее. Ощущение свободы приходит постепенно. Сам писатель не сразу осознал это.

«Записки из Мертвого дома» произвели потрясающее впечатление на русское общество, которое впервые познакомилось с данной стороной жизни народа. В их авторе «видели как бы нового Данте» с его кругами ада, «который спускался в ад тем более ужасный, что он существовал не в воображении поэта, а в действительности», – писал в своих воспоминаниях писатель и историк литературы А.П. Миллюков [6, с. 275].

Традиции, заложенные Достоевским, получили дальнейшее масштабное тематическое воплощение в творчестве русских писателей XX в. – В.Т. Шаламова и А.И. Солженицына.

ПРИМЕЧАНИЯ:

---

1. См.: Фридендер Г.М. Проблема народа и народности в творчестве Достоевского (Из неопубликованной статьи) / Г.М. Фридендер // Достоевский: Материалы и исследования: Т.16. – СПб. : Наука, 2001. – С. 390–404; Любятинская У.С. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского: (по материалам «Дневника писателя») / У.С. Любятинская: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006; Исупов К.Г. Историческое познание в художественном опыте Ф.М. Достоевского / К.Г. Исупов // Исупов К.Г. Русская философская культура. – СПб. : Университетская книга, 2010. – С. 114–143; Тарасов Б.Н. Историческая память как принципиальная составляющая «тайны человека» в творчестве Достоевского / Б.Н. Тарасов // Достоевский: философское мышление, взгляды писателя: сборник статей по материалам Международного Симпозиума общества Достоевского, 2010 г., Неаполь / под ред. Ст. Алоэ. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. – С. 437–447.
2. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. [Текст] / Ф.М. Достоевский. – Л. : Наука, 1985.
3. См.: Достоевский Ф.М. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь) Ф.М. Достоевский. – Красноярск, 1985. См. также: Громько М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850–1854 гг. / М.М. Громько. – Новосибирск : Наука, 1985; Дьяков В.А. Каторжные годы Ф.М. Достоевского (По новым источникам) / В.А. Дьяков // Политическая ссылка в Сибири XIX – начала XX веков: Историография и источники. – Новосибирск, 1987. – С. 196–220.
4. Фарберова, О.Е. Россия и Пушкин: исторические воззрения поэта / О.Е. Фарберова, В.А. Тонких. – Saarbrücken, Deutschland : LambertAcademicPublishing, 2015.
5. Бурсов, Б.И. Личность Достоевского. Роман-исследование / Б.И. Бурсов. – М. : Советский писатель, 1979.
6. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 т. – М. : Худ. литература, 1990. – Т. 1.